

Евгений Лукин, Любовь Лукина

Не верь глазам своим

Часть сборника
Труженики зазеркалья (сборник)

Евгений Лукин

Не верь глазам своим

«Автор»

1983

Лукин Е. Ю.

Не верь глазам своим / Е. Ю. Лукин — «Автор», 1983

ISBN 978-5-457-10424-2

В одно прекрасное утро для обитателей небольшой турбазы творческих работников мир изменился.

ISBN 978-5-457-10424-2

© Лукин Е. Ю., 1983

© Автор, 1983

Любовь Лукина, Евгений Лукин

Не верь глазам своим

Николай выронил страшный улов, вскочил и заорал дурным голосом.

В следующий миг ему показалось, что мостки круто выгнулись с явной целью стряхнуть его в озеро, и Николай упал доски плашмя, едва не угодив физиономией в банку с червями.

Ненатурально красный червяк приподнялся на хвосте, как кобра. Раздув шею, он отважно уставил на Персткова синие микроскопические *глаза*, и Николай как-то вдруг очутился на берегу – без удочки, без тапочек и частично без памяти.

Забыв моргать, он смотрел на вздыбленные перекошенные мостки, на которых под невероятным углом стояла и не соскальзывала банка с ополоумевшим червяком. Поперек мостков белело брошенное удище – минуту назад прямой и легкий бамбуковый хлыст, а теперь неясно чей, но скорее всего змеиный позвоночник с леской на кончике хвоста.

Николай, дрожа, огляделся.

Розоватая береза качнула перламутровыми листьями на длинных, как нити, стеблях. Небо... Небо сменило цвет – над прудом расплывалась кромешная чернота с фиолетовым отливом. А пруд был светел. В неимоверной прозрачной глубине его просматривались очертания типовых многоквартирных зданий.

Николай охнул и мягко осел на лиловатый песок.

Мир сошел с ума... Мир?

«Это я сошел с ума...» – Грозная истина встала перед Николаем во весь рост – и лишила сознания.

* * *

Снять в июле домик на турбазе «Тишина» считалось среди представителей культуры и искусства делом непростым. Но художнику Федору Сидорову (коттедж № 9) свойственно было сверхъестественное везение, актеру ТЮЗа Григорию Чускому (коттедж № 4) – сокрушительное обаяние, а поэту Николаю Персткову (коттедж № 5) – тонкий расчет и умение вовремя занять место в очереди.

Молодой Николай Перстков шел в гору. О первом его сборнике «Окоемые» хорошо отозвалась центральная критика. Николай находился в творческом отпуске: работал над второй книгой стихов «Другорядь», поставленной в план местным издательством. Работал серьезно, целыми днями, только и позволяя себе, что посидеть с удочкой у озера на утренней и вечерней зорьке.

Кроме того, вечерами творить все равно было невозможно: где-то около шести раздавался первый аккорд гитары и над турбазой «Тишина» раскатывался рыдающий баритон Чуского. А куплет спустя многочисленные гости Григория совсем уже пропащими голосами заводили припев: «Ай, нэ, нэ-нэ...»

К полуночи хоровое пение выплескивалось из коттеджа № 4 и медленно удалялось в сторону пристани...

* * *

Беспамятство Николая было недолгим. Очнувшись, он некоторое время лежал с закрытыми глазами и наслаждался звуками. Шелестели березы. В девятом домике (у Сидорова) работал радиоприемник – передавали утреннюю гимнастику.

Потом над поэтом зашумели крылья и на березу тяжело опустилась птица. Каркнула. «Ворона... – с умилением подумал Перстков. – Что же это со мной такое было?»

Надо полагать, временное помрачение рассудка. Николай открыл глаза и чуть не потерял сознание вторично. На вершине розовой березы разевала зубастый клюв какая-то перепончатая мерзость.

Теперь уже не было никакой надежды – он действительно сошел с ума. И полетели, полетели обрывки страшных мыслей о будущем.

Книгу стихов «Другорядь» вычеркнут из плана, потому что творчеством умалишенных занимается совсем другое издательство. На работе скажут: дописался, вот они, стихи, до чего доводят... Тесть... О господи!..

Перстков медленно поднялся с песка.

– Не выйдет! – хрипло сказал он яркому подробному кошмару. – Не полу-чит-ся!

Да, он прекрасно понимает, что сошел с ума. Но остальные об этом не узнают! Никогда! Он им просто не скажет. Какого цвета береза? Белая. Кто это там каркает? А вы что, сами не видите? Ворона!

Безумие каким-то образом овладело только зрением поэта, слуху вполне можно было доверять.

И Перстков ринулся к своему коттеджу, где с минуты на минуту должна была проснуться жена.

Два десятка метров пути доставили ему массу неприятных ощущений. Ровная утоптанная тропинка теперь горбилась, проваливалась, шла по синусоиде.

«Это мне кажется, – успокаивал себя Перстков. – Для других я иду прямо».

Пока боролся с тропинкой, не заметил, как добрался до домика. Синий деревянный коттеджик был искажен до неузнаваемости. Дырки в стене от выпавших сучков – исчезли. И черт бы с ними, с дырками, но теперь на их месте были глаза! Прозревшие доски с любопытством следили за приближающимся Николаем и как-то нехорошо перемигивались.

– Коля! – раздался испуганный крик жены. – Что это такое?

Из-за угла перекошенного коттеджа, держась тонкой лапкой за стену, выбралось кривобокое существо с лиловым лицом. Оно озиралось и что-то боязливо причитало.

Николай замер. Жена (а это, несомненно, была жена), увидев его, взвизгнула и опрометью бросилась за угол.

«Черт возьми! – в смятении подумал Николай. – Что ж у меня, на лбу написано, что я не в себе?»

Вбежав в коттедж, он застал жену лежащей ничком на полуопрокинутой, словно бы криво присевшей кровати.

– Вера... – сдавленно позвал он.

Существо глянуло на него, ойкнуло и снова зарылось носом в постель.

– Вера... Понимаешь, какое дело... Я... Со мной...

С каждым его словом лиловое лицо изумленно приподнималось над подушкой. Потом оно повернулось к Николаю и широко раскрыло выразительные, хотя и неодинаковые по размеру глаза.

– Перстков, ты, что ли?

Растерявшись, Николай поглядел почему-то на свои пятнистые ладони. Сначала ему показалось, что вдоль каждого пальца идет ряд белых пуговок. Присмотревшись, он понял, что это присоски. Как на щупальцах у кальмара.

– Господи, ну и рожа! – вырвалось у жены.

– На себя посмотри! – огрызнулся Николай – и существо, ахнув, бросилось к висящему между двух окон зеркалу.

Николай нечаянно занял хорошую позицию – ему удалось одновременно увидеть и лиловое лицо, и малиновое его отражение. Резанул душераздирающий высокий вопль – и лиловая асимметричная жена кинулась на поэта. Тот отпрыгнул, сразу не сообразив, что кидаются вовсе не на него, а в дверной проем...

Так кто из них двоих сумасшедший?

На отнимающихся ногах Николай пошел по волнистому полу – к зеркалу. Что он ожидал там увидеть? Привычное свое отражение? Нет, конечно. Но чтобы такое!..

Глаза слиплись в подобие лежачей восьмерки. Рот ороговел – безгубый рот рептилии. На месте худого кадыка висел кожистый дряблый зуб, сильно оттянутый книзу, потому что в нем что-то было – судя по очертаниям, половинка кирпича. Господи, ну и рожа!..

Николай схватился за кирпич и не обнаружил ни кирпича, ни зоба. Тонкая жилистая шея, прыгающий кадык... Вот оно что! Значит, осязанию тоже можно верить. Как и слуху...

Кое-как попав в дверь, Николай вывалился на природу. Небо над головой золотилось и зеленело. Жены видно не было. Откуда-то издали донесся ее очередной взвизг. Надо понимать, еще на что-то наткнулась...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.